

Те люди, на которых указали, на мгновение замерли, а затем на коленях пронеслись вперед еще на несколько шагов и опустились на колени в первом ряду. Остальные так и остались стоять на коленях на прежних местах, чувствуя облегчение.

Еще было неясно, станет ли это место у Шестнадцатого императора хорошим пристанищем. Навлечь на себя гнев Императрицы — и выживание в этом императорском дворе само по себе превращалось в задачу не из легких; того и гляди, в один прекрасный день тебя затянет в водоворот бедствий.

Распорядитель, глядя на тех, кого отобрал Сяо Цзиньцзо, невольно поморщился.

Немой, хромой, да еще и дворцовая служанка с огромным родимым пятном на пол-лица.

Он никак не мог взять в толк, какими критериями руководствовался Сяо Цзиньцзо при выборе людей. Если выразаться прямо... то все они выглядели несколько уродливо.

Распорядитель не стал ничего произносить вслух, с улыбкой оставил людей на месте и удалился.

У Сяо Цзиньцзо были свои планы на этот счет.

Линь Юйчжоу отличался ленивым и падким до лакомств нравом, к тому же страстно любил разглядывать всякие красивые вещицы, постоянно зависая с отупелым видом перед его собственным лицом, — со стороны казалось, будто у этого парня на уме один лишь поверхностный блеск.

Подумав об этом, Сяо Цзиньцзо невольно скривил уголки губ.

Оставь он подле себя побольше смазливых лиц, глядишь, этот наглец еще и душу из него вытрясет.

В конце концов, при всех своих неисчислимых недостатках, этот человек обладал невесть откуда взявшейся способностью располагать к себе людей: куда бы он ни направлялся, везде со всеми улыбался и любезничал.

Стоило Сяо Цзиньцзо вообразить, как Линь Юйчжоу целыми днями хихикает и препирается со всей этой дворовой челядью, как у него от одного этого шума начинала болеть голова.

Сам же Линь Юйчжоу и понятия не имел, каким грозным чудовищем предстает в глазах Сяо Цзиньцзо. Пока он досыпал свой утренний сон, Сяо Цзиньцзо уже устроился с книгой во дворе.

Во всем дворе царила тишина и покой, лишь прибавилось суесящихся с метлами людей,

которые, впрочем, без исключения сбавили шаг.

Линь Юйчжоу, заметив это, поджал губы: до чего же Сяо Цзиньцзо занудный тип — даже когда сам читает, другим рта раскрыть не разрешает, вон служанки и те ступают на цыпочках, словно ступают по тонкому льду.

Ой, а у той служанки какое огромное красное пятно на лице.

А тот евнух и правда ладный вышел, только худой донельзя.

К слову, не растолстел ли он в последнее время, не пора ли садиться на диету?

Мысли Линь Юйчжоу витали где-то в облаках, пока на середине полета его не отрезвило какое-то странное чувство.

Погодите-ка!

Погодите!!

Служанки?

Евнухи?

Откуда они взялись?

С чего это вдруг вокруг наплодилось столько народу?

— Чего застыл, живо иди растирать тушь, — бросил Сяо Цзиньцзо, сидя у письменного стола и глядя на Линь Юйчжоу, который только проснулся и всё продолжал витать где-то в небесах, отчего у господина закипала кровь.

Такой амбал сидит перед ним, а этот балбес в упор не видит.

Точно придется в один прекрасный день выковырнуть ему эти глаза!

Линь Юйчжоу опомнился и нос к носу столкнулся с лицом Сяо Цзиньцзо, на котором яснее некуда было написано: если ты сейчас же не подойдешь, я огрею тебя этой чернильницей по макушке.

Он втянул голову в плечи, поспешно подбежал и уселся рядом с письменным столом.

Сяо Цзиньцзо пододвинул к нему брусок туши — без лишней резкости, но так, чтобы тот со щелчком скользнул по крышке стола.

Ишь какой сердитый.

Линь Юйчжоу, опасливо сжавшись, принялся растирать тушь — в этом деле он был мастак.

Сяо Цзиньцзо вовсе не собирался читать ту «Книгу тысячи иероглифов», что выдал император, — он и так давно ее знал.

С тех пор как Линь Юйчжоу очнулся, Сяо Цзиньцзо не перевернул в книге ни единой страницы: те сокровища, которых он годами добивался, мыкась по Холодному Дворцу, теперь оказались у него в руках, но ценились куда меньше, чем этот глупый слуга.

Сяо Цзиньцзо просто отложил книгу, взял в руку свернутую в трубку «Книгу тысячи иероглифов» и легонько стукнул Линь Юйчжоу по макушке.

Линь Юйчжоу схватился за голову: !!!

— Хочешь ли ты взять на себя управление дворовой челядью? — Сяо Цзиньцзо хоть и вечно твердил, что Линь Юйчжоу глуп, но тот все же был его преданным слугой столько лет; теперь, когда у них появился собственный двор, обязанности распорядителя, разумеется, падали на плечи Линь Юйчжоу.

Глаза Линь Юйчжоу загорелись: !!!

— А можно я заставляю их делать мне массаж спины?

Стоило Линь Юйчжоу выдать такое, как Сяо Цзиньцзо внезапно пожалел, что только что приложил его книжным рулоном столь легко.

Надо было ударить посильнее, расколоть башку этому дурному слуге и посмотреть, что там внутри затворено — густая похлебка, рисовый отвар или то самое блюдо из жареной свинины, что толстяк из императорской кухни приберег напоследок.

— Массаж спины, — повторил он эти четыре слова голосом, ровным, как остывшая вода в чашке. — Ты это место с баней перепутал?

— Ну раз нельзя массаж, пусть хоть чай подают да воду носят. Ты только подумай, каково мне пришлось за эти годы: я и служанка, и горничная, и стряпуха, и мать родная! Легко ли мне? — Он принялся загибать пальцы, и когда дошло до «и мать родная», брови Сяо Цзиньцзо сошлись на переносице, а книжный рулон снова взмыл вверх.

Линь Юйчжоу поспешно зажал голову руками: — Ошибся, я ошибся! Какая мать, я же... старший брат. Старшим братом буду, сойдет?

Сяо Цзиньцзо опустил рулон и уставился на него.

Линь Юйчжоу прикрывал голову ладонями, косясь на него сквозь растопыренные пальцы.

Сяо Цзиньцзо усмехнулся.

— Смелости тебе не занимать. Если одолжить тебе еще чуток смелости, ты часом не захочешь занять место моего Августейшего Отца и воссесть на этот драконий трон?

Линь Юйчжоу был наказан стоянием у стены.

Телесное наказание!

Чистой воды телесное наказание!

Бесчеловечно!

Только-только выбрался из Холодного Дворца, а уже измывается над старичком, который верой и правдой ему служил.

Никакого сочувствия к подчиненным!

Линь Юйчжоу стоял у стены, водрузив на макушку книгу.

Только после этого Сяо Цзиньцзо смог со спокойной душой вернуться к чтению.

Ладно.

Линь Юйчжоу по природе своей ветрен, стань он распорядителем, хлопот в повседневности точно не оберешься.

Отпускать его мотаться туда-сюда по дворцу было боязно, лучше держать при себе.

Сяо Цзиньцзо уже нарек этих восьмерых именами.

Евнухов звали Весна, Лето, Осень и Зима.

А служанок — Слива, Орхидея, Бамбук и Хризантема.

Маленькая Слива, войдя в покои, чтобы сменить чай Сяо Цзиньцзо, внезапно заметила у стены фигуру и даже вздрогнула от неожиданности: откуда тут взялся этот человек?

Он стоял навтыжку, плечи напряжены, подбородок чуть втянут, руки прижаты по швам к штанинам, зато глаза так и бегали — то глянут на лицо Маленькой Сливы, то на поднос с чаем, с подноса на Сяо Цзиньцзо, а от того снова обратно, пока не встретились взглядом с Маленькой Сливой.

Служанке стало не по себе от такого взгляда, она отступила на полшага назад и чуть не наступила на собственный подол.

Она торопливо опустила голову и поставила поднос с чаем подле руки Сяо Цзиньцзо.

— Ваше Высочество, — пролепетала Маленькая Слива голоском, тонким, как комариный писк, — чай заменен.

— Мгм. — Сяо Цзиньцзо даже не поднял головы.

Хотя Сяо Цзиньцзо утверждал, что Линь Юйчжоу легко сходится с людьми, на самом деле тот страдал изрядной долей социофобии и очень дорожил своей гордостью.

Стоять в наказание на виду у посторонних было для него сущим мучением — всё тело зудело.

Сяо Цзиньцзо словно обзавелся глазами на затылке: — Сторонись как следует, осталась еще одна палочка благовоний.

Линь Юйчжоу мысленно взбунтовался: до чего же бессердечный этот Сяо Цзиньцзо!

Маленькая Слива, глядя исключительно себе под нос, тихонько выскользнула вон.

— Ох, пить-то как хочется, — стоило Маленькой Сливе скрыться, как Линь Юйчжоу запрокинул голову и затянул жалобную песню, как раз в том тоне, чтобы Сяо Цзиньцзо услышал.

Сяо Цзиньцзо ноль внимания — перевернул очередную страницу. Страница шуршала громче, чем секунду назад.

Линь Юйчжоу не унимался и выдал еще один стон: — Умираю от жажды, просто умираю. В

горле пересохло, дым идет. Ты глянь на мои губы, высохли? Коркой покрылись? Если не дашь воды, я ведь в сушеную рыбу превращусь. Сушеная рыба у стены, да еще с книгой на макушке — жуть какая картина.

Он без умолку молот языком, а в завершение еще и провел языком по губам. Губы и вправду пересохли, покрывшись тонкой коркой, и кончик языка царапал их сухую поверхность.

Сяо Цзиньцзо перевернул еще одну страницу.

Линь Юйчжоу затеял это ради отговорки, но теперь пить действительно хотелось не на шутку. Он столько болтал понапрасну, а воды ни капли, во рту не осталось ни единой капли слюны.

Настоящая жалость, а не рыбка.

Которая вот-вот станет вяленой.

Сяо Цзиньцзо подождал с полминуты, но продолжения не последовало. Он поднял глаза и увидел, что Линь Юйчжоу понурил голову и разглядывает собственные носки сапог.

Вид у него был жалкий-прежалкий.

Сяо Цзиньцзо словно бы вздохнул.

— Пить хочешь?

Линь Юйчжоу угрюмо промычал в ответ что-то неопределенное.

— Подойди. — Сяо Цзиньцзо поманил его пальцем: хотя он и твердил себе, что нельзя позволять слуге садиться на шею, сердце все же смягчилось.

Линь Юйчжоу обрадовался, подбежал и в два счета в один присест осушил целый чайник.

Вода еще не успела кончиться, как в комнату снова кто-то вошел.

Это был евнух по имени Сяо Ся.

Линь Юйчжоу от неожиданности растерялся и, недолго думая, с размаху нырнул под стол.

Правда, стол был не то чтобы большой, и оказаться под ним означало с тем же успехом залезть Сяо Цзиньцзо прямо между ног.

Сяо Цзиньцзо: !!!

Линь Юйчжоу не усмотрел в этом ничего предосудительного и лишь ощупью зажал бедро Сяо Цзиньцзо, знаком прося сидеть тихо.

Сяо Цзиньцзо: !!!!!!!!!!!

Сяо Ся почтительно опустил голову, отвесил положенный поклон и только тогда заговорил: — Ваше Высочество, жилье для всех распределено.

В комнате на мгновение воцарилась тишина. Сяо Цзиньцзо восседал за письменным столом с идеально прямой спиной, слегка напрягши подбородок.

Но если бы кто-то присмотрелся повнимательнее, то заметил бы, как побелели от напряжения костяшки пальцев, сжимающих кисть.

Заметил бы, что уши у него алеют — от самых мочек до самой шеи.

Заметил бы, что дыхание его стало чаще обычного, а грудь едва заметно вздымается.

Но кто же из слуг посмел бы поднять глаза на господина? Сяо Ся смотрел исключительно на синий кирпич пола, не смея поднять головы.

А Линь Юйчжоу тем временем сидел под столом, прижавшись лицом к колену Сяо Цзиньцзо и все еще сжимая пальцами его бедро.

— Мгм, — только и вымолвил Сяо Цзиньцзо.

Сяо Ся чуть согнулся в поклоне: — Комнаты во дворе полностью приведены в порядок. Весна и Зима займут западное крыло, Слива, Орхидея, Бамбук и Хризантема — восточное. Постели, чай и лампадное масло уже выданы.

— Мгм. — Сяо Цзиньцзо изо всех сил желал, чтобы Сяо Ся поскорее убирался прочь, но он только-только вышел из Холодного Дворца и обязан был держать марку «послушного» и вежливого принца.

Кто знает, сколько шпионов затесалось среди этой восьмерки?

Сяо Ся помедлил немного, припомнив слова Маленькой Сливы о том, что у господина в покоях обретается близкий слуга, который, судя по всему, состоял при нем с давних пор.

Не положено ли и для него приготовить жилье?

— Ваше Высочество, не следует ли обустроить комнату для того юного евнуха, что прислуживает подле вас? — Сяо Ся чувствовал, что Сяо Цзиньцзо — хозяин мягкого нрава, отчего и осмелел чуточку.

Сяо Цзиньцзо одной рукой отбросил в сторону шаловливую ручку Линь Юйчжоу, сохранив на лице непроницаемое выражение, и, вскинув голову, перевел взгляд на Сяо Ся.

<http://bllate.org/book/25215/3004621>